

УДК 1:3:130.2: 304: 316.6: 316.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-8

Спичева Д. И.¹
Винокурова Е. Н.²

**Сетевые (виртуальные) артефакты
как маркеры стиля жизни современного населения Сибири
в контексте «новой нормальности»**

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *speecheva@mail.ru*

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *c.vinokurova@yandex.ru*

Аннотация. В статье описываются результаты методологического эксперимента по оценке психологического состояния членов современного общества двойной онтологии (реальной и виртуальной) на основе анализа маркеров стиля жизни современного населения Сибири. Эксперимент заключался в интеграции методов оценки психологического состояния человека в реальном мире и методики анализа больших данных – контента социальных сетей (в данном случае, сетевых сообществ о Сибири) – в виртуальном мире. Сетевые (виртуальные) артефакты рассматриваются нами как разновидность культурных артефактов, являющихся своеобразными идентификационными маркерами стиля жизни членов современного общества двойной онтологии. Цель эксперимента – проверить возможности интегрированных (реальных и виртуальных) инструментов для измерения психологического состояния людей, существующих в этой двойной онтологии. В результате было осмыслено такое психологическое состояние современного человека, как принятие/непринятие «новой нормальности», определяющей новый стиль жизни в эпоху глобального кризиса.

Ключевые слова: сетевые (виртуальные) артефакты; стиль жизни; двойная онтология; глобальный кризис; «новая нормальность»; Сибирь

Для цитирования: Спичева Д.И., Винокурова Е.Н. Сетевые (виртуальные) артефакты как маркеры стиля жизни современного населения Сибири в контексте «новой нормальности» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 88-102. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-8

D. I. Spicheva¹,
E. N. Vinokurova²

**Networked (virtual) artefacts as contemporary Siberian population's
lifestyle markers in the context of the *New Normal***

¹ National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia; *speecheva@mail.ru*

² National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia; *c.vinokurova@yandex.ru*

Abstract. The article describes the results of a methodological experiment to assess the contemporary psychological state of the members of a dual ontology society (real and virtual) through the analysis of lifestyle markers of the modern Siberian popula-

tion. The experiment consisted of integrating methods for assessing a person's psychological state in the real world and techniques for analyzing big data – the content of social networks (online communities about Siberia in this case) – in the virtual world. The aim of the experiment is to test the capabilities of integrated (real and virtual) tools to measure the state of the psychological condition of the people existing in this dual ontology. As the result, such state of the modern person's consciousness was conceived as acceptance / non-acceptance of the "New Normal" which defines a new "lifestyle" in the age of global crisis.

Key words: networked (virtual) artefacts; lifestyle; dual ontology; global crisis; "New Normal"; Siberia

For citation: Spicheva D. I., Vinokurova E. N. (2023), "Networked (virtual) artefacts as contemporary Siberian population's lifestyle markers in the context of the *New Normal*", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 88-102, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-8

Современную сложную мировую ситуацию называют в СМИ, в научном дискурсе, и даже в повседневной жизни, социальным, экономическим, продовольственным, ресурсным, экологическим, финансовым, энергетическим, и так далее, *кризисом*. Это говорит о том, что мы являемся свидетелями глобального кризиса, затрагивающего все сферы жизни общества. Он влияет на каждого без исключения человека на Земле, вынужденного адаптироваться к этой кризисной и посткризисной ситуации, чтобы выжить. Это значит, что меняется не только стиль жизни, меняется сама картина мира, способ существования человека. Как измерить этот новый стиль жизни, осмыслить психологическое состояние человека в сетевом информационно-коммуникативном обществе, по сути, обществе двойной онтологии (реальной и виртуальной) – актуальная проблема, на решение которой направлено данное исследование. Согласно нашей гипотезе, инструменты этого измерения тоже должны иметь двойную, так называемую «гибридную» онтологию. Именно такие инструменты необходимы для определения состояния стабилизации/дестабилизации социальной ситуации, где под стабилизацией понимается то, что члены сетевого информационно-коммуникативного общества принимают соци-

альную ситуацию как «новую нормальность», которая теперь будет определять стиль жизни каждого человека.

Теоретико-методологическое основание данной работы составляет представление о двойной (гибридной) онтологии сетевого информационно-коммуникативного общества (Кужелева-Саган, 2017); а также понятия: «новая нормальность» (El-Erian, 2013; McNamee, 2004), «стиль жизни» (Adler, 1930), «сетевые (виртуальные) артефакты» (Izadi, Fraser, et al. 2002), «механизмы психологической защиты» (Фрейд, 1993; Леонтьев, 2003). Методология эмпирического уровня основана на использовании сервиса для парсинга TargetHunter.

Для анализа психологического состояния современного человека и выявления возможности измерения его стиля жизни были выбраны сообщества в социальной сети ВКонтакте, посвященные Сибири. В выборку вошли 2658 сообществ, содержащих в названии и описании такие слова, как «Сибирь», «Сибирский», «Сибирская», «Сибирское». Были проанализированы публикации и комментарии в выбранных сообществах за период с 01.01.2020 по 14.07.2023. Выбор данного временного промежутка для проведения исследования обусловлен началом нового глобального кризиса, о котором особенно громко заговорили после пандемии коронавируса,

начавшейся в 2020 г., и последовавших за ней событий мирового масштаба. О глобальном экономическом, социальном и политическом кризисе свидетельствуют многие ученые и эксперты (Банников, 2022; Глушенко, 2022; Krydowski, 2010 и др.).

В данной статье мы будем называть это проявлением «новой нормальности», которая формирует базис изменений стиля жизни.

«Новая нормальность» стала уточненным синонимом «новой реальности». Это понятие пришло к нам из английского языка («new normal»). Оно появилось в начале прошлого века, «пик его использования приходится на период Великой депрессии начала 1930-х годов в США и затем на 2008–2010 годы» (Тетерятников, 2017: 270). На авторство по отношению к данному понятию в современном его понимании претендуют экономисты Мохамед А. Эль-Эриан (El-Erian, 2013), Роджер Мак-Нэйми (McNamee, 2004) и др. Нами это понятие было выбрано потому, что оно имеет широкую коннотацию и отражает ситуацию кардинальных изменений стиля жизни, когда невозможно возвращение к старому, и новая кризисная или посткризисная ситуация этому старому явно проигрывает. О стабилизации социальной ситуации будет свидетельствовать то, что члены сетевого информационно-коммуникативного общества принимают ее как «новую нормальность», которая теперь будет определять стиль жизни каждого человека.

Понятие «стиль жизни» нами тоже выбрано не случайно. Мы сознательно отошли от более привычного и употребляемого понятия «качество жизни», поскольку в условиях глобального кризиса оно неминуемо снижается. А нам важно осмыслить психологическое состояние современного человека в контексте принятия/непринятия им «новой нормальности», определяющей новый «стиль жизни». Под стилем жизни мы будем понимать совокупность черт, способов поведения и привычек, определяющих уникальную картину мира человека (Adler, 1930).

Исходя из такого понимания стиля жизни, мы рассматриваем психологическое состояние современного человека, пытаемся понять, с помощью каких инструментов можно как бы «поставить диагноз» современному способу его существования, выявить, на каком этапе переживания этого кризисного периода он находится сейчас. По сути, мы пытаемся диагностировать, насколько человек принимает эту «новую нормальность», которая становится основой его нового стиля жизни.

Поскольку «новая нормальность» и новый стиль жизни в современном сетевом информационно-коммуникативном обществе имеет двойную онтологию (Кужелева-Саган, 2017), то есть представлен и реально, и виртуально в Сети, то описать современный стиль жизни мы решили через отражающие его сетевые (виртуальные) артефакты, содержащиеся в публикациях и комментариях в сетевых сообществах о Сибири.

Сетевые (виртуальные) артефакты являются нематериальными объектами (Izadi, Fraser, et al. 2002) и представляют собой разновидность социальных артефактов, созданных людьми и существующих виртуально в Сети. Поскольку сетевые (виртуальные) артефакты являются частным случаем социальных артефактов, то они способны проявить принятие или непринятие этой «новой нормальности». Кроме того, сетевые (виртуальные) артефакты как «продукты» деятельности человека выступают в роли носителей социально-культурной информации и жизненно-смысловых значений их создателей, а также отражают их социально-психологическое состояние и стиль жизни. Соответственно, сетевые (виртуальные) артефакты как новые культурные коды позволяют понять состояние современного общества двойной онтологии (реальной и виртуальной). Так, сетевые (виртуальные) артефакты и новые культурные коды современного общества двойной онтологии (реальной и виртуальной), с одной стороны, оказывают влияние на психологическое состояние людей и их стиль

жизни в реальном мире, а с другой стороны, представляют собой маркеры этого стиля жизни и социально-психологического состояния людей.

Выбор сетевых сообществ о Сибири для решения проблемы и проверки нашей гипотезы не случаен. Мы рассматриваем возможность наличия сходства между выходом из глобального жизненного кризиса людей, оказавшихся в Сибири не по своей воле, и наших современников, которые тоже не выбирали жизнь в эпоху глобального кризиса, «исследование похожих процессов, происходивших ранее офлайн, в данном случае, на территории Сибири, может делать более четкие прогнозы развития глобального общества в целом» (Спичева, 2017: 214), прогнозы выхода его из кризиса с минимальными последствиями для физического и психического здоровья. Для того чтобы выжить, современным людям (на примере современного населения Сибири), как и вынужденным переселенцам в Сибирь прошлого, необходимо принять и пережить кризис, то есть осмыслить «новую нормальность» своего существования и сформировать новый стиль жизни, поскольку «глобальный цивилизационный кризис <...> потребует долгих лет для преодоления его причин и последствий» (Яковец, 2020: 37).

Методология измерения стиля жизни современного человека, на наш взгляд, не может обойтись без опоры на классические методы психологической диагностики (анализ скрытых эмоциональных нарушений, механизмов переработки стресса, механизмов психологической защиты и пр.). Для обозначения комплекса данных методов в специальной литературе используется понятие «индекс жизненного стиля» (Plutchik, Kellerman, Conte, 1979; Клубова, 1994). Эти методы измерения психологического состояния человека, применяемые в реальном мире, были интегрированы с методами оценки состояния человека в виртуальном

мире на основе анализа больших данных с помощью сервиса для парсинга TargetHunter. Таким образом, мы попытались измерить психологическое состояние современного человека в эпоху глобального кризиса и определить принятие/непринятие им «новой нормальности», что определяет освоение нового стиля жизни, имеющего двойную онтологию.

Итак, анализ контента сетевых сообществ, содержащего маркеры стиля жизни членов современного сетевого информационно-коммуникативного общества, проявил наличие следующих психологических состояний современников, которые можно идентифицировать как механизмы психологической защиты у их членов (и подписчиков, и авторов), в виде реакций на глобальный кризис, мешающих им принять «новую нормальность»: отрицание, подавление (вытеснение), регрессия, компенсация, проекция, замещение («смещение»), интеллектуализация («рационализация»), реактивные образования («гиперкомпенсация»). Под механизмами психологической защиты мы понимаем «систему регуляторных механизмов в психике, которые направлены на устранение или сведение к минимуму негативных, травмирующих личность переживаний, сопряженных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта»¹. Данные механизмы способствуют устранению или минимизации состояния тревоги, характерного для человека в ситуации кризиса. Описанные механизмы имеют универсальный характер, но методы их измерения как реакции членов сетевого информационно-коммуникативного общества на глобальный кризис имеют двойную онтологию. Поэтому для измерения и определения этих «классических» механизмов психологической защиты, которые могут проявляться как в офлайн, так и в онлайн среде, мы применили онлайн-инструмент для измерения стиля жизни – ресурс TargetHunter.

¹ Большой психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: АСТ, 2002. С. 153.

Рассмотрим каждый из обозначенных механизмов.

1. Механизм психологической защиты **отрицание** может проявляться в отрицании субъективно неприемлемых ситуаций, которые вызывают раздражение или тревогу, а также в отрицании некоторых сторон своего «Я». Так, личность не воспринимает информацию, вызывающую раздражение и тревогу, поскольку та не соотносится с ее жизненными установками или угрожает сохранению ее социального статуса и престижа.

Опасность этого состояния заключается не только в том, что при нем невозможно выйти из кризиса, приняв «новую нормальность», сформировать новый стиль жизни и продолжать жить дальше, но и в том, что у таких людей, как правило, наблюдается искажение восприятия действительности, повышенная внушаемость и доверчивость, что делает их уязвимыми и восприимчивыми к дальнейшему нагнетанию ситуации в их информационном поле, не оставляя им шансов на принятие.

Контент публикаций в сообществах, говорящий о таком механизме психологической защиты как реакции на кризис, может быть легким, беспроблемным («Где встретить красивый закат? В нашем списке рекомендаций, Манская петля и Есауловская петля» (Енисейская Сибирь); «Необычные красные молнии заметили в небе НСО» (Газета "Сибирская Околица")), показывающим мир лучше, чем он есть на самом деле («Верим, что плохим временам скоро настанет конец» (Живём в Сибири | Иркутск)), демонстрирующим то, что в Сибири меньше проблем, чем у людей в других местах («Из последних сил пытаемся романтизировать первый снег в Новосибирске» (Сибирь здесь)).

2. Механизм психологической защиты **подавление** или вытеснение представляет собой способ защиты инфантильного «Я». **Подавление** как механизм психологической защиты проявляется в том, что кризисные, тревожные для человека чувства становятся бессознательными.

Возникающее психологическое состояние является опасным для человека по той причине, что вытесняются такие свойства, качества и поступки личности, как недоброжелательность, завистливость, мстительность и др. При этом они сохраняются в бессознательном и мешают человеку согласиться с «новой нормальностью», а при определенных обстоятельствах могут выйти наружу, и человек сам может стать объектом, усугубляющим кризисную ситуацию для окружающих.

Примерами таких публикаций, которые демонстрируют задержку выхода человека из кризиса, могут быть публикации, в которых нет привязки к авторству и личностям, как бы анонимные («Дарим летний комплект от «Енисейской Сибири»» (Енисейская Сибирь); «Цветущий город Красноярск. Красивый, правда?» (Типичный Красноярск – Столица Сибири)), их контент не персонифицирован («Белки Новосибирского Академгородка» (Журнал "Неизвестная Сибирь" | Hidden Siberia)), привлекает внимание кровавыми сценами (например, охотой в сообществах рассматриваемой тематики, причем эти сцены показываются как само собой разумеющиеся, естественные действия человека («Удачно закрыл сезон нереальным выстрелом, Рязанская обл. Шацкий р-он. Всем ни пуха друзья» (Сибирский Странник) (рис. 1)).

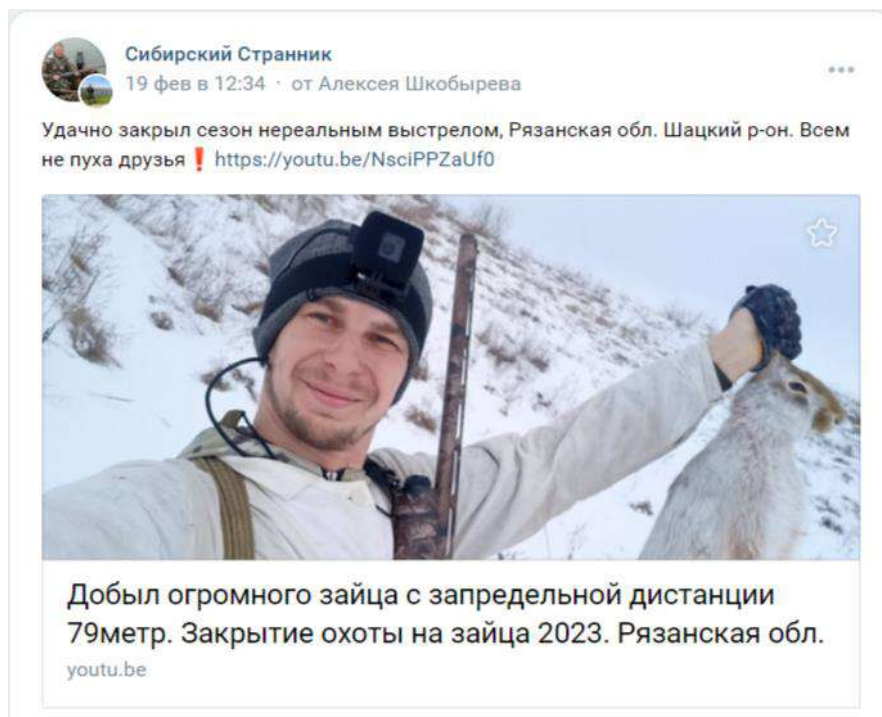

Рис. 1. Публикация в сообществе «Сибирский странник» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующая действие механизма психологической защиты подавления
Fig. 1. Publication in the community “Sibirskiy strannik” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism suppression

3. **Регрессия** имеет место быть тогда, когда поведенческие реакции человека соответствуют более ранним стадиям развития либидо, что обуславливается его стремлением минимизировать или избежать чувства беспокойства и тревоги. Благодаря этой форме психологической защиты личность заменяет решение субъективно сложных задач простыми и доступными в конкретной ситуации.

Об этом свидетельствуют публикации, фокусирующие внимание на еде («Сибирский десерт. Самый простой в приготовлении и не менее вкусный, питательный!» (Енисейская Сибирь); «Приготовление блинчиков для красноярцев станет дорожке» (Новости Красноярска и Сибири | I-LINE)), на демонстрации сожаления и горечи по разным поводам («Уже 19 человек утонули в Красноярском крае с начала

лета», «Рабочий день обычного дворника чуть не закончился трагедией» (Типичный Красноярск – Столица Сибири); «Какой ужас. Трагедия произошла с подростком из-за любви к аниме» (Живём в Сибири | Абакан)). Они упрощают реальность, подменяют сложные актуальные проблемы более мелкими, местечковыми («Приход весны многие горожане Норильска ощущают прямо у себя в квартире, в крайнем случае в подъезде. Снег в заполярном городе тает очень быстро, за считанные дни, ведь длительность дня здесь уже больше 18 часов, и даже при отрицательных температурах солнце приносит проблемы жильцам верхних, да и не только, этажей», «Русские: Чёрная русалочка – это уже перебор! Дисней: Отвергаешь – предлагай. Русские: ...» (Живём в Сибири | Красноярск) (рис. 2)).

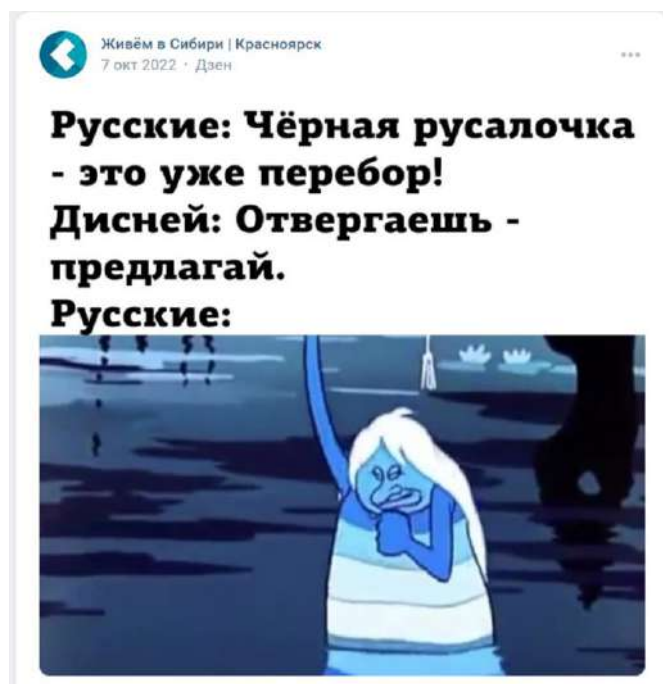

Рис. 2. Публикация в сообществе «Живём в Сибири | Красноярск» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующая действие механизма психологической защиты регрессии

Fig. 2. Publication in the community “Zhiviyom v Sibiri | Krasnoyarsk” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism regression

Последствия действия такого механизма психологической защиты, поддерживаемого определенным типом контента, могут выражаться в чрезмерной импульсивности и в слабости эмоционального контроля авторов и читателей, в стремлении к упрощению и доступности мотивационно-потребностной сферы. Об этом свидетельствуют обозначенные выше примеры.

4. Механизм психологической защиты **компенсация** может проявляться в стремлении личности заместить, компенсировать реальный или воображаемый недостаток. Наиболее часто это реализуется с помощью «приписывания» себе характеристик и достоинств других личностей. Это представляет собой одну из форм компенсации комплекса неполноценности.

В качестве примеров, спекулирующих на этом психологическом механизме, можно привести публикации, демонстрирующие сексуальную привлекательность; публикации сообществ, поддерживающих тягу людей к коллекционированию (*например, частая публикация коллекций каких-либо фото и др., как в сообществах «Отдых в Сибири» (рис. 3) и «ВЕЛИКАЯ СИБИРЬ» (рис. 4)*); публикации, подчеркивающие экспертность (*«И еще одна история, связанная с областной администрацией / духовным училищем, это, конечно же, визит к нам Хрущева и вручение Курганской области ордена Ленина» (Мульти История | Россия Урал Сибирь Курган)*) представителей данного сообщества, даже по незначительным поводам.

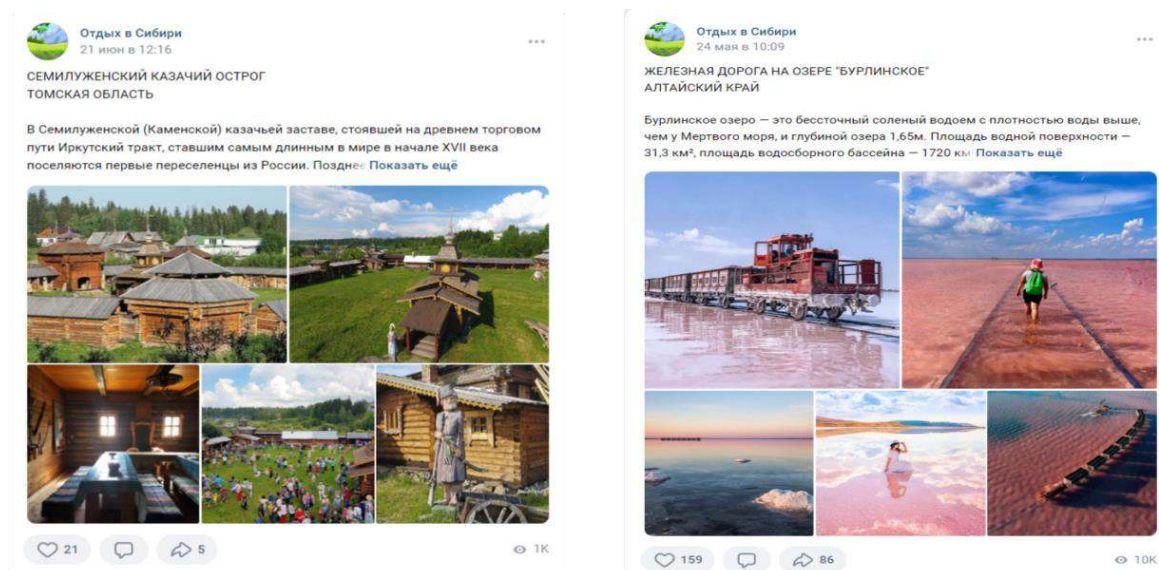

Рис. 3. Публикации в сообществе «Отдых в Сибири» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующая действие механизма психологической защиты компенсации
Fig. 3. Publications in the community "Otdyh v Sibiri" in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism compensation

Рис. 4. Публикации в сообществе «ВЕЛИКАЯ СИБИРЬ» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующая действие механизма психологической защиты компенсации
Fig. 4. Publications in the community "VELIKAYA SIBIR" in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism compensation

Опасность в том, что в погоне за удовлетворением чувства самодостаточности, с одной стороны, человек не способен критически мыслить, вступать в спор для отстаивания собственной позиции, то есть он является управляемым извне, подчиняется чужим авторитетам; но, с другой стороны, если «пережить», то человек может выйти

из-под контроля и проявить себя в агрессивном и преступном поведении. Эти люди тоже не способны к принятию «новой нормальности», так как из-за отсутствия критического анализа часто оказываются мечтателями, которые бездействуют.

5. **Проекция** представляет собой «психологический механизм, заключающийся в бессознательном приписывании

субъектом имеющихся у него неосознаваемых мыслей, переживаний, черт и мотивов другим людям»².

К ряду таких публикаций можно отнести публикации, содержащие контент о неприятии власти, авторитетов («Что такое, расеяне, неужели не хотите умереть за великого солнцеликого?» (Типичный Красноярск – Столица Сибири); «Чиновники мэрии Минусинска потратили почти 100 тысяч на несуществующий ремонт» (Типичный Минусинск – Столица юга Сибири)), а также публикации, демонстрирующие недоверие («Мобилизованные из Норильска рассказали, что их разместили в Омске со словами: "Живите как хотите". В итоге призывники жгут костры, спят прямо на земле. По словам автора ролика – часть мобилизованных находятся в таких условиях уже около недели. Мораль проста: никто о нас не позаботится, кроме нас самих» (Типичный Красноярск – Столица Сибири)).

Публикации такого типа обнаруживают неспособность выхода из кризиса и принятие «новой нормальности», поскольку

человек-носитель этого механизма защиты свои негативные черты (например, аморальность, агрессивность) приписывает другим с целью оправдания собственной аморальности и агрессивности, которые проявляются в целях защиты. Таким образом, психологическое состояние и стиль жизни современного человека говорит о том, что современную окружающую действительность он расценивает как «неприемлемую картину мира», то есть одновременно ложную и безнравственную (Rasparov, 2016), и поэтому не принимает ее.

6. Форма психологической защиты **замещение** («смещение») может проявляться в «вымещении» негативных чувств и эмоций (таких как гнев, враждебность, презрение и пр.), источником которых является опасный/сильный или статусный человек, на доступных и слабых людях.

Это может проявляться в публичном реагировании в постах на колкости или несогласия оппонентов (рис. 5), в агрессивных или ярко выраженных эмоциональных негативных высказываниях по актуальным темам (рис. 6).

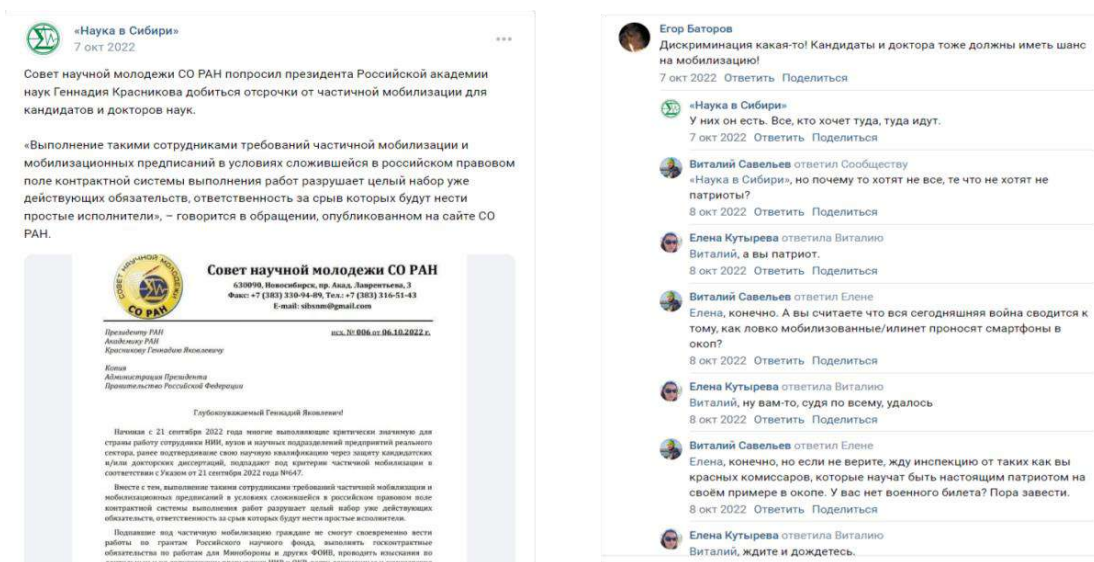

Рис. 5. Публикация и комментарии к ней в сообществе «Наука в Сибири» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующие действие механизма психологической защиты замещения
 Fig. 5. Publication and its comments in the community “Nauka v Sibiri” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism substitution

² Большой психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: АСТ, 2002. С. 372.

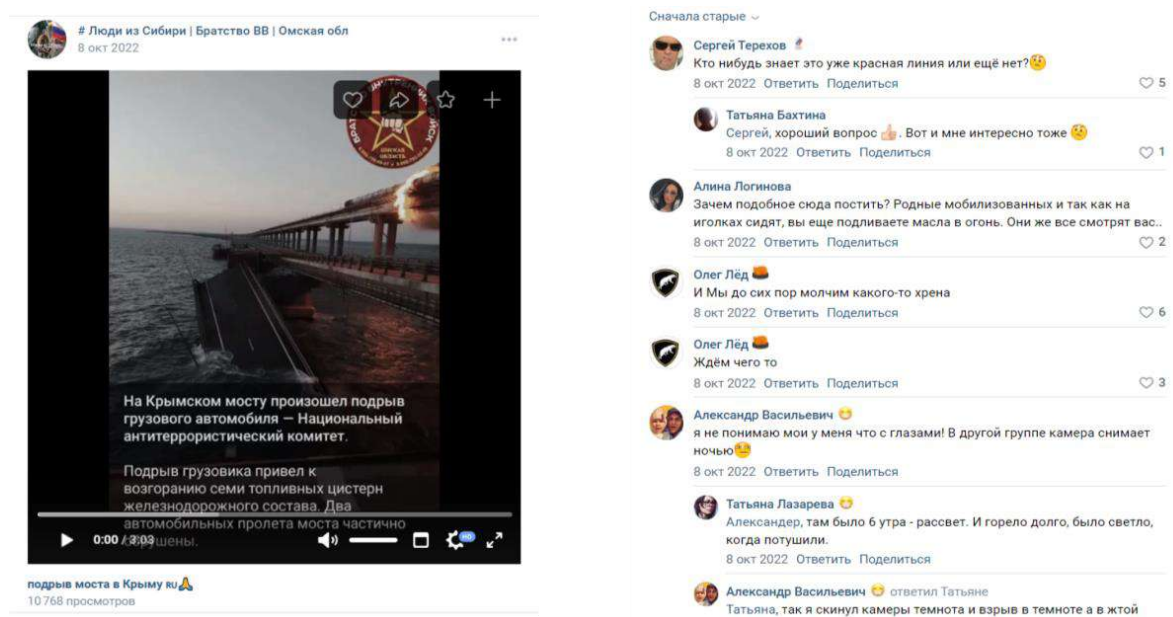

Рис. 6. Публикация и комментарии к ней в сообществе «# Люди из Сибири | Братство ВВ | Омская обл» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующие действие механизма психологической защиты замещения

Fig. 6. Publication and its comments in the community “# Lyudi iz Sibiri | Bratstvo VV | Omskaya obl” in the social network Vkontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism substitution

Контент, предлагающий такую форму психологической защиты, опасен тем, что открытое проявление ненависти к человеку более сильному, статусному и т. п. переносится на другого человека, который является более слабым и доступным. В социальном окружении человек с такой формой психологической защиты может совершать неожиданные, бессмысленные действия, которые позволяют ему на какое-то время справиться со своим внутренним напряжением. Выйти из кризисной ситуации, принять «новую нормальность» такой человек не способен; он проявляет этот психологический механизм не только по отношению к объекту действия, но и к его источнику,

что говорит о его неспособности критически осмыслить ситуацию, а значит, принять реальность.

7. Такой механизм психологической защиты как *интеллектуализация* («рационализация») проявляется в чрезмерном «умственном» преодолении кризиса. Другими словами, человек благодаря использованию фактов, логических установок стремится пресечь переживания относительно субъективно неприятной, неприемлемой ситуации. Проявление этого механизма можно часто наблюдать в комментариях к публикациям, в которых автор стремится продемонстрировать свою осведомленность в том или ином вопросе, основываясь на фактах. Например, как в комментариях (рис. 7, 8, 9).

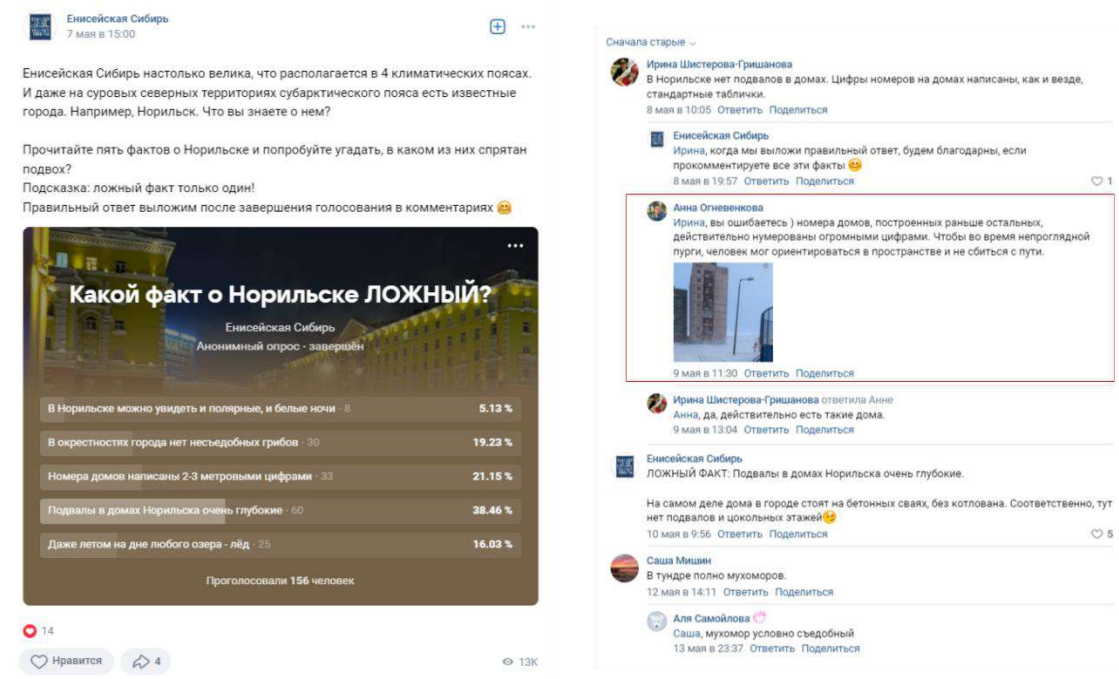

Рис. 7. Публикация и комментарий к ней в сообществе «Енисейская Сибирь» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующий действие механизма психологической защиты интеллектуализации

Fig. 7. Publication and its comment in the community “Eniseiskaya Sibir” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism intellectualization

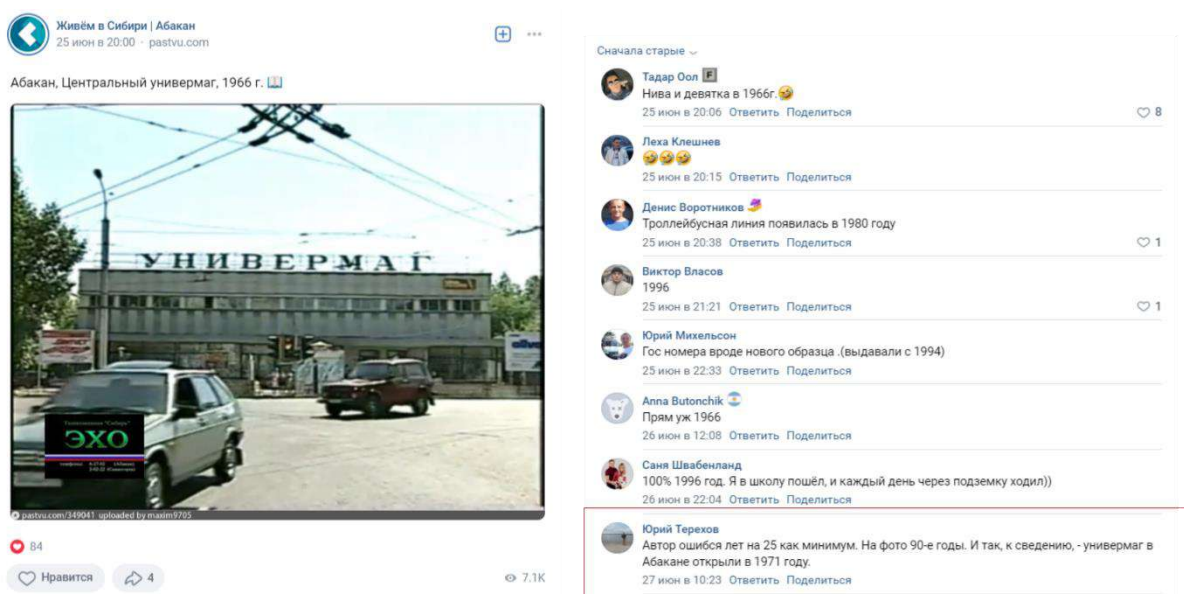

Рис. 8. Публикация и комментарий к ней в сообществе «Живём в Сибири | Абакан» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующий действие механизма психологической защиты интеллектуализации

Fig. 8. Publication and its comment in the community “Zhivyom v Sibiri | Abakan” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism intellectualization

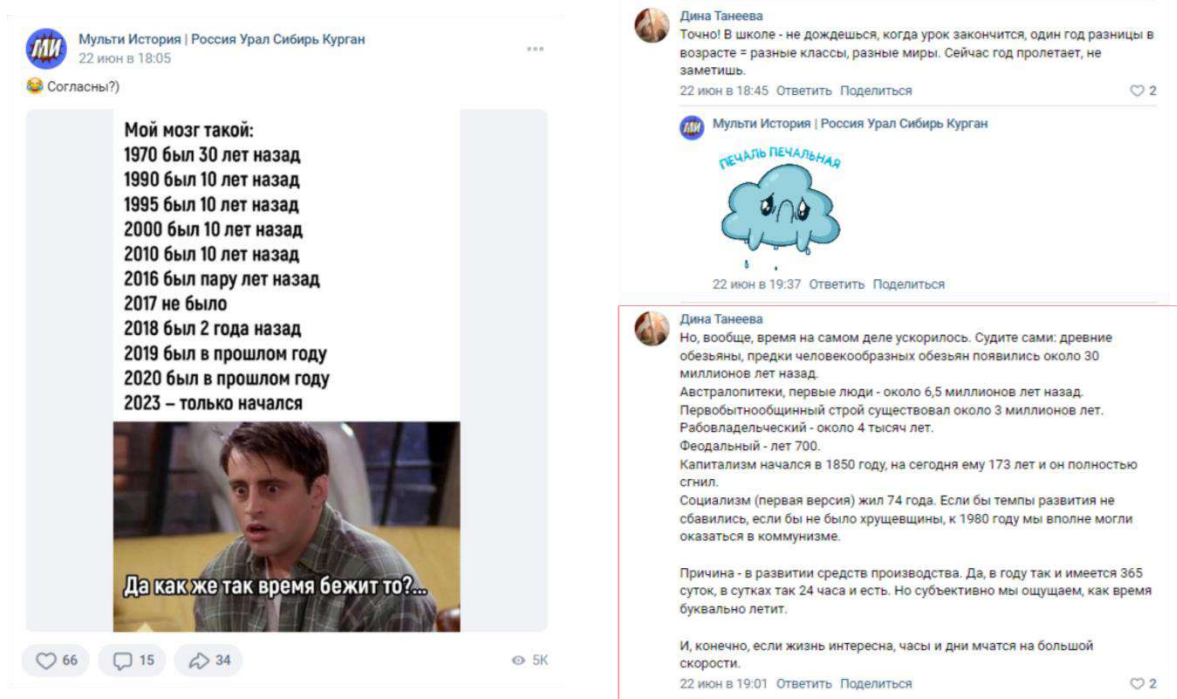

Рис. 9. Публикация и комментарий к ней в сообществе «Мульти История | Россия Урал Сибирь Курган» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующий действие механизма психологической защиты интеллектуализации
Fig. 9. Publication and its comment in the community “Mul'ti Istoriya | Rossiya Ural Sibir' Kurgan” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism intellectualization

Данный механизм психологической защиты также не способствует принятию «новой нормальности», поскольку человек из реального мира «перемещается» в идеальный мир, состоящий из слов и абстракций. Таким образом он создает псевдоразумные обоснования кризисных ситуаций. «Новая нормальность» не принимается, так как снижается ценность недоступного для человека опыта, а значит, он не способен принять новую ситуацию. Таким образом, человек остается в выдуманном самом собою комфортном мире, в объективном существовании которого старается убедить окружающих.

8. Реактивные образования («гиперкомпенсация»). При действии данного механизма психологической защиты человек развивает противоположные стремления с

целью предотвращения выражения субъективно неприемлемых чувств, мыслей и поступков.

Провоцировать подобную психологическую защиту могут публикации, осуждающие откровенную демонстрацию сексуальности в сообществе, ненормативную лексику, непристойность другого рода, что наблюдается в следующих сообществах: «*Новости Красноярск и Сибири | I-LINE*», «*СИБИРЬ ЗДЕСЬ*», «*ВТЕМЕ | НОВОСТИ СИБИРИ*», «*Наука в Сибири*», «*Отдых в Сибири*», «*Енисейская Сибирь*» и др.

О принятии «новой нормальности» здесь также речь не идет, ибо происходит превращение внутренних импульсов в их противоположность, что также демонстрирует уход от реальности и исключает ее принятие.

Таким образом, анализ сетевых (виртуальных) артефактов (публикаций и комментариев в сообществах о Сибири в социальной сети ВКонтакте) как новых культурных кодов современного общества двойной онтологии (реальной и виртуальной) показал, что рассмотренный контент сетевых сообществ свидетельствует о таком психологическом состоянии современного человека, которое не способствует принятию «новой нормальности» и нового стиля жизни. Поэтому о предпосылках психологического выхода из кризиса и отказе от психологических механизмов защиты пока говорить рано даже в рассматриваемых сообществах, целевые аудитории которых в силу определенных территориальных (суровые климатические условия, обусловленные географическим расположением Сибири), исторических, социальных (выстроенные в Сибири «уникальные коммуникативные сети между древними цивилизациями и современностью, коренным населением и переселенцами» (Спичева, 2017: 212)) и других причин, казалось бы, должны быть более приспособлены к быстрому преодолению кризисной ситуации, принятию «новой нормальности» и освоению нового стиля жизни. А значит, и для других, более резистентных сообществ о выходе из кризиса говорить еще рано. Но поскольку информационное поле сегодня во многом определяет психологическое состояние современного человека, то можно предположить, контент какого содержания, тона, стилистики и пр. может помочь преодолеть механизмы психологической защиты, принять «новую нормальность» и освоить новый стиль жизни. В качестве такового может явиться разнообразный контент (текстовые сообщения; аналитические статьи и лонгриды; коллажи; видео-, аудиотрансляции; подкасты; скринкасты и пр.), направленный на формирование критического мышления, демонстрирующий наличие разных точек зрения на то или иное явление, который не упрощает социальную реальность, а стремится в аргументирован-

ной форме показать ее сложность и амбивалентный характер. Данный контент должен побуждать к конструктивной дискуссии. Выявление такого рода потенциала контента сетевых сообществ – задача дальнейших исследований, в которых возможно применение описанных в статье интегрированных (реальных и виртуальных) инструментов для измерения психологического состояния людей, существующих в этой двойной онтологии. Психологическое состояние человека современного сетевого общества, как показано, пока можно расценить как неприятие «новой нормальности» и нового стиля жизни в эпоху глобального кризиса.

Литература

Банников, К.Л. Информационная теория этноса. Аспекты и интерпретации // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 194-218.

Глуценко, В.В. Нейротехнологии в геополитике, управлении, экономике во время глобального кризиса и гибридных войн (часть 1) // Вопросы безопасности. 2022. № 2. С. 24-40.

Клубова, Е.Б. Методы медицинской психологии в диагностике психологических защитных механизмов // Теория и практика медицинской психологии и психотерапии: сб. науч. трудов / под общ. ред. М.М. Кабанова. СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1994. Т. 133. С. 77-81.

Кужелева-Саган, И.П. К вопросу об онтологии современного сетевого общества // Век информации. Медиа в современном мире: Петербургские чтения: мат-лы 56-го междунар. форума (13-14 апреля 2017 г.) / отв. ред. В.В. Васильева. СПб.: Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций, 2017. С. 245-247.

Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.

Ситников, А.П., Гундарин, М.В. Победа без победителей: Очерки теории прагматических коммуникаций. М.: Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт», 2003. 256 с.

Спичева, Д.И. «Сибирский геном» как фактор формирования идентичности цифрового номада // Комплексные исследования человека: психология: материалы VII Сибирского психологического форума. Томск: Нац. исслед. Томский гос. ун-т, 2017. С. 211-215.

Тетерятников, К.С. Новая реальность/нормальность в экономике и финансах: мировой и Российский опыт // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. № 1. С. 268-285.

Фрейд, А. Психология “Я” и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 140 с.

Яковец, Ю.В. Глобальный цивилизационный кризис-2020 – старт новой исторической эпохи. Науч. доклад. Приложение. Новая периодизация истории и будущего цивилизаций, капитализма и социализма. М.: МИСК, 2020. 148 с.

Adler, A. The pattern of life. Cosmopolitan Book Corporation, 1930. 271 p.

El-Erian, M.A. New Normal ... Morphing // Secular Outlook. PIMCO. May, 2013. Pp. 1-8.

Izadi, S., Fraser, M., Benford, S., Flintham, M., Greenhalgh, C., Rodden, T. and Schnädelbach, H. Citywide: Supporting Interactive Digital Experiences Across Physical Space // Personal and Ubiquitous Computing. 2002, Vol. 6 (4). Pp. 290-298.

Krydowski, M. Global crisis - the beginning of recession or chance for success? // CNBOP-PIB. 2010. Pp. 1-25.

McNamee, R. The New Normal: Great Opportunities in a Time of Great Risk. Portfolio Hardcover, 2004. 272 p.

Plutchik, R., Kellerman, H. and Conte, H. R. A Structural Theory of Ego Defenses and Emotions. Boston: Springer, 1979. Pp. 227-257.

Rasapou, A. Александр Введенский и традиция абсурда, dysertacje. Wydział Neofilologii UAM w Poznaniu, Poznań, 2016. 266 p.

References

Adler, A. (1930), *The pattern of life*, Cosmopolitan Book Corporation.

Bannikov, K. L. (2022), “Information Theory of Ethnicity. Aspects and interpretations”, *Etnografija* [Ethnography], 4 (18), 194-218 (in Russ.).

El-Erian, M. A. (2013), “New Normal ... Morphing”, *Secular Outlook*. PIMCO, May, 1-8.

Freud, A. (1993), *Psikhologiya YA i zaschitnye mekhanizmy* [The Ego and the Mechanisms of Defence], Pedagogika-Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Glushchenko, V. V. (2022), “Neurotechnologies in Geopolitics, Management, Economics dur-

ing the Globalcrisisand hybrid Wars (Part 1)”, *Vo-prosy bezopasnosti* [Security issues] 2, 24-40 (in Russ.).

Izadi, S., Fraser, M., Benford, S., Flintham, M., Greenhalgh, C., Rodden, T. and Schnädelbach, H. (2002), “Citywide: Supporting Interactive Digital Experiences Across Physical Space”, *Personal and Ubiquitous Computing*, 6 (4), 290-298.

Klubova, E. B. (1994), “Methods of medical psychology in the diagnosis of psychological defence mechanisms”, *Teoriya i praktika meditsinskoy psikhologii i psikhoterapii* [Theory and practice of medical psychology and psychotherapy], 133, 77-81 (in Russ.).

Krydowski, M. (2010), “Global crisis - the beginning of recession or chance for success?”, CNBOP-PIB, 1-25 (in Polish).

Kuzheleva-Sagan, I. P. (2017), “On the ontology of the modern networked society”, *Vek informatsii. Media v sovremennom mire: Peterburgskie chteniya: materialy 56-go mezhdunarodnogo foruma* [The Age of Information. Media in the Modern World: St. Petersburg Readings: materials of the 56th International Forum (13-14 April 2017)], Saint Petersburg, Russia, 245-247 (in Russ.).

Leontiev, D. A. (2003), *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [The psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of meaning reality], Smysl, Moscow, Russia (in Russ.).

McNamee, R. (2004), *The New Normal: Great Opportunities in a Time of Great Risk*, Portfolio Hardcover.

Plutchik, R., Kellerman, H. and Conte, H.R. (1979), “A Structural Theory of Ego Defenses and Emotions”, *Emotions in Personality and Psychopathology*, Springer, Boston, 227-257.

Rasapou, A. (2016), *Aleksandr Vvedenskiy i traditsiya absurda* [Alexander Vvedensky and the tradition of the absurd], D. Sc. Thesis, Wydział Neofilologii UAM w Poznaniu, Poznań, (in Russian and in Polish).

Sitnikov, A. P. and Gundarin, M. V. (2003), *Pobeda bez pobediteley: Ocherki teorii pragmaticheskikh kommunikatsiy* [Victory Without Winners: Essays on the Theory of Pragmatic Communication], “IMIDZH-Kontakt” Consulting Group, Moscow, Russia (in Russ.).

Spicheva, D. I. (2017), “Siberian genom" as a factor of constructing identity of a digital nomad”, *Kompleksnye issledovaniya cheloveka: psi-*

hologiya: materialy VII Sibirskogo psichologicheskogo foruma [Integrated Human Studies: Psychology: Materials of the 7th Siberian Psychological Forum], Tomsk, Russia, 211-215 (in Russ.).

Tetryatnikov, K. S. (2017), “New Reality/Normality for Economy and Finance: National and Global Experience”, *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [The Free Economic Society of Russia], 1, 268-285 (in Russ.).

Yakovets, Yu. V. (2020), *Globalny tsivilizatsionny krizis-2020 – start novoy istoricheskoy epokhi* [Global civilization crisis 2020 – the start of a new historical era], International Institute of Pitirim Sorokin – Nikolai Kondratiev, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Спичева Дина Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных

коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *specheva@mail.ru*

Винокурова Екатерина Николаевна, ассистент кафедры социальных коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *c.vinokurova@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Dina I. Spicheva, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Social Communications, National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russia; *specheva@mail.ru*

Ekaterina N. Vinokurova, Assistance Lecturer, Department of Social Communications, National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russia; *c.vinokurova@yandex.ru*